

Мчи меня, память, крылом нестареющим

В милую сердцу страну...

В. Соловьев

* * *

Последние дни лета. Сергей Иванович сидел под огромным зонтом в одном из уличных кафе, которые во множестве открываются на ялтинской набережной на время сезонного наплыва отдыхающих и закрываются, когда наплыв спадает. В его обычное минорное настроение была подмешана толика волнения, связанная с

памятным для Сергея Ивановича днем текущим — двадцать пятое августа. Было жарко. Время шло к вечеру, но зной не ослабевал. От несносной жары Сергей Иванович пытался спастись зеленым чаем, но затем, выдохнув «пусть азиаты им спасаются», заказал большую колу со льдом. Сидеть ему предстояло еще около двух часов: он ожидал машину, которая должна была отвести его в Партенит, там он отдыхал в отеле «Европа».

Косвенно страдания Сергея Ивановича были связаны с пожилой семейной парой, проживавшей в соседнем номере отеля, — разговорчивой, общительной, желавшей, как казалось, познакомиться со всеми обитателями «Европы». Везде — в парке, в ресторане, на пляже — эта пара ходила за ручку, улыбчиво, старомодно, как в старых фильмах, налево и направо раскланиваясь. Весь их вид, говоривший «жизнь прекрасна», почему-то слегка раздражал Сергея Ивановича. Старички, его звали Василий Петрович, ее — Мария Петровна, арендовали выдавший виды «Рено Логан», на нем они и подвезли его до Ялты по пути в Алупку. Изнывая от зноя, Сергей Иванович сидел и клял себя за то, что накануне вечером зачем-то сказал соседям, что хотел бы побродить по Ялте, и немного самих соседей за то, что те с радостью объявили: мол, завтра же отвезем вас туда и обратно, едем друзей навестить в Алупке. У этого кафе на набережной они расстались и здесь же условились встретиться в назначенное время. «И чего я сюда поперся? Сидел бы сейчас в номере под кондиционером с книгой или плавал бы. А тут... Дьявол, и почитать ничего не взял, хотя вряд ли здесь читалось бы, мозг плавится... И ноги гудят. Это сколько же я намотал от дома-музея Чехова до набережной?»

Сергею Ивановичу было за шестьдесят, окружающие убеждали, что он выглядит гораздо моложе своего возраста, и Сергей Иванович этому не без удовольствия верил. По крайней мере, сообщив незнакомым соседникам свой возраст, он нередко ловил их ответные удивленные взгляды. Когда пузатые ровесники завидовали его фигуре, его подвижности, он всегда говорил им одно и то же:

— Жрать надо меньше, работать больше и — уметь отдыхать.

Надо сказать, первое и второе ему удавалось. Вот уже много лет Сергей Иванович работал инженером на столичном оборонном предприятии, причем с годами работа увлекала его все больше и больше, об уходе на пенсию он и думать не хотел, и дело было не только в хорошей зарплате. А вот что касается отдыха — лукавил, не умел он отдыхать. Маялся, что с женой, что один, сам себя терзал-подковырявал: «Ну что, брат, отдыхаешь? Смотри не переусердствуй».

Вот и сейчас, в Крыму, терзаний не было лишь при длительных заплывах да на необременительных утренних, по холодку, пробежках. А так — все ему как будто чего-то не хватало. Впрочем, и дома, вне завода, он редко не носил в себе какое-то легкое беспокойство, невнятное желание уехать туда, не зная куда, найти то, не зная что. Не без влияния этой маеты, этих беспокойств он неожиданно чем-то увлекался, принимал необдуманные решения, завязывал адюльтеры, как

правило, непродуктивные, не задерживающиеся в памяти. С годами адюльтеры случались все реже и реже, сублимации способствовало чтение. Впрочем, он с детства и всю жизнь много читал.

Уперев локоть в стол, склонив голову на ладонь левой руки, Сергей Иванович в задумчивости покачивал аккуратно сжимаемый пальцами правой ладони стакан с колой, прислушиваясь, как в нем чуть слышно перестукиваются остатки кусочков льда. Неспешное течение скученных мыслей прервали резкие скрипящие звуки со стороны. Он поднял голову: три молодых человека, рослых, студенческого возраста, шумно двигали стол и стулья под тень своего зонта, громко, почти в полный голос, разговаривая. «Вас только здесь не хватало, — подумал Сергей Иванович и сразу пристыдил себя: — Ну ты гры-ы-ымза, мизантроп...»

Ребята, в руках у них были такие же фирменные стаканы с колой, расселись вокруг стола, продолжая, очевидно, принесенную с собой беседу. Сергей Иванович, как-то бессознательно сдвинув свой стул так, чтобы видеть всю компанию, отметил торжество разнообразия во внешности парней: цвет волос одного был бескомпромиссно черный, другой владел шевелюрой соломенного цвета, третий «убил дедушку лопатой», был огненно-рыжий. Сергей Иванович сразу понял, что тема их беседы была обусловлена недавним обозрением памятника — бронзовой композиции, созданной по мотивам чеховского рассказа «Дама с собачкой». Композиция располагалась недалеко, метрах в ста — ста пятидесяти от кафе.

— Ну очень чеховские фигурки, — с неприкрытой иронией, растягивая «о» в слове «очень», говорил рыжий, — без всякой метафизики. Разве только спиц...

— Ну да, — перебил его соломенноволосый, и тоже с толикой иронии, растягивая слова на прибалтийский манер, — для тебя любовь трансцендентна только у Фицджеральда, Фолкнера и иже с ними.

— При чем тут мои зарубежные предпочтения? — ответил рыжий. — Добавь нашего Бунина, я не против. Я же не отрицаю гениальности Чехова в драматургии. А вот в прозе... Пресно. Все слова вроде на месте, а высоты нет. Мне кажется, что даже в письмах к Лике он ярче, читаешь и — забирает.

— Да не в этом дело, — вступил в дискуссию черноголовый, — я думаю, что в свое время все чеховское забирало. И это совершенно понятно: в девятнадцатом веке был другой темп жизни, другие нравы, соответственно, другая эстетика.

«Мда, — подумал Сергей Иванович, ребята-то не хухры-мухры...» Черноголовый продолжал:

— Сомневаюсь, что в наше время среднестатистический читатель проникнется сюжетом «Дамы», примерит

на себя ситуацию: случайная встреча — и вот на тебе — она фокус всех линий жизни.

Вероятно, он хотел что-то еще сказать, но тут с небережной их кто-то окликнул. Юноши спешно поднялись, подхватив стаканчики с колой, и скоро растворились в толпе гуляющих по набережной.

Сергей Иванович внимательно прослушал, вернее, подслушал этот пинг-понг мнений и весьма огорчился, что не пришлось узнать позиции рыжего и соломенного по поводу высказывания их товарища. Внимание было небеспричинно. Дело в том, что словосочетание «случайная встреча» было для Сергея Ивановича знаковым. Не то чтобы он вздрагивал, услышав его, но, образно говоря, вставал в гипнотическую стойку. «Случайная встреча, случайная встреча», — как мантру, произносил он и про себя, и вслух и всегда, и десять, и тридцать лет тому назад. После ухода молодых людей Сергею Ивановичу стало особенно грустно, а жара показалась еще невыносимей. «Случайная встреча — сакраментальная тема, — он грустно улыбался своим мыслям, — и вот, пожалуйста, на полуслове оборвалась. Чехов-то что, — еще подумалось ему, — написал и забыл, а тут...»

Так случилось, что о месте случайной встречи вообще, об одной своей давней, в годы молодости, встрече и разлуке вот уже много лет вольно и невольно Сергей Иванович и вспоминал, и размышлял. Он не мог со всей определенностью сказать, радостью или наказанием были для него эти размышления-воспоминания. Скорее всего, в них было и то и другое, а еще они приводили к вопросам, на которые он давно и тщетно пытался ответить самому себе. Была ли та встреча, что случилась, теперь уж сорок лет тому назад, случайной? Случилась она к худу или к добру? Прошел ли он мимо того, что было его судьбой? И наконец, это неопределенное и давнее чувство внутренней маеты, неустроенности во внешне весьма благополучно устроенной жизни, было ли оно заложено в него его природой или было связано именно с той самой встречей, почти обреченной на разлуку?

Сергей Иванович откинулся на алюминиевую спинку стула и, отгородившись от всего того, что его окружало, сложенными на груди руками и сомкнутыми веками, привычно вернулся в то далекое и близкое время и место, почти зримое, почти осязаемое.

Это случилось в начале семидесятых годов. Их ССО, студенческому строительному отряду, в то лето выпало работать на бетонном заводе в поселке под Иркутском. Одной стороной поселок сливался с городом, другой — с зеленым морем тайги. Жили бойцы, как тогда называли студентов ССО, в старом дощатом бараке на опушке тайги, трудно сказать, для каких нужд построенном. Десятка три мальчигов, молодых людей, — в одной по-

ловине, несколько девушек-поварих — в другой, в девичьей же половине была столовая. Недалеко от барака располагались такие же дощатые удобства — туалеты и холодный душ. Работа была тяжелая, активно строящийся БАМ, Байкало-Амурская магистраль, требовал и поглощал невероятное количество бетонных конструкций. С работы, под вечер, ребята возвращались покачиваясь от усталости. Покачивались и клялись себе и друг другу, что сегодня уж точно: душ, ужин и — спать, спать, спать. Клятвы, как правило, были напрасны.

Во всем виновата была залитая ими в первые же дни таежного пребывания по соседству с баракom танцевальная площадка. Душ, ужин — это все выдерживалось, но потом — все летело к черту. Потом с динамика, закрепленного на сосне у площадки, раздавалось: «Жизнь — только миг между прошлым и будущим, именно он называется жизнь...» Или что-то другое, не менее призывное. И не было сил побороть желание потанцевать с местными девочками под «Бони М», «АББА», «Крылья». Девочки приходили на площадку, освещенную прожектором с другой сосны, потанцевать, познакомиться с московскими студентами. И не хотелось думать о том, что через девять-десять часов тот же динамик разбудит всех задорной и ненавистной песней: «Вставайте, братцы, вставайте...» Знакомились, провозжались, случалось, дрались с местными ребятами, которые без восторга принимали ухаживание приезжих за местными красавицами. Случалось, что некоторые стройотрядовцы приходили в барак под утро.

Как-то местный Клуб молодежи предложил потанцевать под живую музыку, и предложение было принято. Местный ВИА состоял из ударника, гитары и транзисторного синтезатора. За синтезатором в ярком свете прожектора Сергей впервые и увидел ее — совсем близко, на расстоянии в два-три метра.

Инструмент, напоминающий игрушечное пианино на тонких ножках, за ним стоит миловидная небольшого роста девушка в коротком светлом плаще-пыльнике, большие глаза ее сияют, руки бегают по клавишам, она что-то громко поет в микрофон, пританцовывая, двигаясь в такт музыке всем корпусом, кивая головой, с которой спадают вьющиеся локоны русских волос. Все миновавшие десятилетия Сергей Иванович не просто помнил эту картину, она преследовала его, всплывала в памяти в мельчайших деталях, часто помимо желания. Всплывала — и что-то щемило в груди, и затруднялось дыхание, как у альпиниста на какой-то немислимо высокой вершине.

Танцы под ВИА чередовались с музыкальными записями. Сергей немедленно решил дожидаться музыки из динамика и пригласить незнакомку на танец. Мину-

ты ожидания казались часами, как назло, ВИА играл и играл: «Люди встречаются, люди влюбляются, женятся. Мне ж не везет в этом так, что просто беда...», «Листья закружат, листья закружат и улетят, и улетят...», «Ты не только меня обижаешь, ты сейчас обижаешь любовь...» Казалось, этим шлягерам не будет конца. Наконец зазвучал какой-то зарубежный альбом. Но, как оказалось, пригласить на танец эффектную солистку желал не только он, кавалеры устремлялись к ней при звуке первого же аккорда звукозаписи. И на первый, и на второй танец Сергей опоздал. Пришло решение сменить тактику. Он подошел к ней до начала очередной музыкальной композиции, о чем-то заговорил и, для верности, взял ее за руку, таким образом лишив соперников шанса, а ее выбора. Девушка понимающе улыбнулась. Заиграла медленная музыка, и они пошли танцевать. Понимая, что успех надо закреплять, Сергей сразу спросил:

— Я провожу вас?

— Может, для начала познакомимся? — снова улыбнулась она. — Я Ирина.

Сергей, смутившись, представился, но поспешно вернулся к своему вопросу. Ирина на какое-то время задумалась, сказала с сочувствием:

— Вас поколотят.

И он не нашел ничего лучше, как сказать:

— Потерплю.

— А знаете, — продолжила Ирина, — я же вас заметила, когда мы играли, и знала, что вы меня пригласите, что захотите меня проводить. — И, чуть помедлив, подумав, продолжила: — Кирпичную водокачку вы, конечно, видели, знаете. За ней, со стороны города, есть детский садик с игровой площадкой. Все это огорожено сеткой, но проникнуть можно. Там, под грибком, через полчаса после окончания танцев...

Он, конечно, пришел первый, сел на детскую лавочку под грибком. Волновался: придет ли? Ирина немного опоздала.

— Извините, пришлось переодеться, маскироваться в темное...

Ее приход лишь усилил волнения. Сергей мучительно искал, что сказать, о чем говорить, и — не находил. Девушка же вела себя непринужденно, взяла на себя инициативу ведения разговора. Сергей узнал, что среднюю школу и музыкальную школу Ирина окончила на отлично, что, безумно любя музыку, необдуманно поступила на физмат пединститута и год там проучилась, что потом по конкурсу не прошла в музыкальный институт, что в этом году окончила второй курс музыкального училища по классу фортепиано. Она интересовалась его жизнью в Москве, институтом, увлечениями. Сергеем казалось, что отвечает он невпопад, что похож на

טיפуци, и он страдал, предсказывая, что это их первое и последнее свидание.

Однако свидания под грибком стали свиданиями каждого дня, вернее, каждой ночи. Уже на второй встрече Сергей «разморозился», как-то само собой произошел переход на «ты». Тем для разговоров нашлось множество, расставались, когда уже начинала сереть ночная мгла, гасли звезды и на сон ему оставалось не более трех часов. Сергея не удивляло, что, отказываясь от сна, он работал не хуже любого другого бойца, понимал, что ожидание встречи обеспечивало его и душевным подъемом, и неумемной энергией.

Через несколько дней Сергей отважился. Он обнял Ирину, притянул к себе, спешно поцеловал и отпустил, вытянув руки по швам, ожидая реакции.

— Ну вот, — сказала она вполне серьезно, — а я думала, ты так и уедешь, не поцеловав меня. — И уже в своей характерной, улыбчивой, манере спросила: — Хочешь, признаюсь? — Продолжила, не дождавшись его согласия: — Я, наверное, жутко распушенная. Мне двадцать, ну почти двадцать, а я уже с третьим мальчиком целуюсь. Это плохо, да? Ой, а мы еще с девчонками в группе перецеловались, ну, учились целоваться.

После того, первого поцелуя что-то сдвинулось в их отношениях. Ночи бесконечных разговоров стали ночами поцелуев и поцелуев, целовались до дрожи, до изнеможения, до того состояния, когда он слышал биение ее сердца, она — его. К своим двадцати трем годам Сергей целовался с девчонками много раз, но с Ириной все было совсем по-другому. Он слышал, но не очень-то представлял, как это — целоваться языком, языками, вполне удовлетворяясь в своих практиках, так сказать, внешней стороной решения вопроса. Но вот это произошло, произошло естественно, само собой, при этом Сергей почувствовал, что новая близость потрясла в равной мере и его, и ее. В тот же день, когда он, как всегда под утро, возвращался в барак, его впервые пронзил страх неминуемой скорой разлуки. «Боже мой, — позже из года в год стонал, будто жалуясь кому-то, Сергей Иванович, — как же я так вот сразу полюбил ее, как же мы так вот сразу полюбили друг друга».

— Сегодня я угощаю тебя кофе и вкусными пирожками, сама напекла, — этими словами Ирина встретила его в один из последних вечеров. — Я тебе говорила, что живу с бабушкой, а она сегодня в санаторий уехала. Ну, пошли.

Квартира бабушки было недалеко от места их свиданий. Они вошли. Когда Ирина зажгла неяркий матовый торшер, Сергей окинул взглядом комнату — и его охватило странное чувство, помещение показалось каким-то знакомым.

— Знаешь, — сказал он немого погодя, — это квартира — и моей бабушки. У нее такой же комод между окнами, такая же никелированная кровать, а напротив, на тумбочке, стоит телевизор, так же прикрытый кружевным уголком.

— А я на кухне сплю, — будто винясь, сказала Ирина. — Дома, у родителей, у меня большая комната, но мне у бабушки больше нравится. Ну, иди в ванну, мой руки.

Вряд ли не треть кухни занимала тахта, места для электроплиты, небольшого холодильника, маленького кухонного столика, двух табуреток и навесных полок оставалось немного.

— Папа тахту по частям сюда внес, — опередила Ирина вполне очевидный вопрос.

Сидели за столиком, пили кофе, ели действительно вкусные пирожки. Сергей блаженно думал о том, что завтра воскресенье и не надо идти на работу. Как всегда, им было о чем говорить, но разговор не лился так легко, как там, под привычным грибком.

— Как заведено у мещан, — несколько наигранно-весело сказала Ирина, — сейчас я должна показать тебе семейный альбом.

Пухлый старый фолиант рассматривали сидя на тахте, и он познакомился с ее родней до третьего колена. После просмотра альбома разговор почти затих. Сергей, как тогда, в первый вечер, усиленно искал тему, тема не находилась, а Ирина в этот раз не помогала. Молчали. Он сидел прямо, сжав сложенные ладони между коленями, она — нагнувшись вперед, положив подбородок на кулачки и уперев локти в колени.

— Сергей, — тихо и не глядя на него, сказала Ирина, — а почему под грибком ты целовал меня, а здесь не целуешь?

Опыт интимного общения с женщинами у Сергея был, хотя и небольшой. Один — в юности, незадолго до призыва в армию. Там, в армейской казарме, у него было два года на размышления: получилось у него и у них все, как надо, или не получилось. С одной, старше него, женщиной и с одной сокурсницей у него случилось это уже в институте. И с той и с другой так... Как взаимное развлечение. Словом, ко времени встречи с Ириной Сергей уже не сомневался, что он опытный мужчина. Однако только в ту ночь, проведенную с Ириной в кухне ее бабушки, Сергей понял, что до этой ночи настоящей любовной близости с женщиной у него не было, что настоящая близость — это не соитие, не соединение, а нечто много большее — это слияние. И когда в минуты покоя Ирина вдруг спросила его: «А ты знаешь, что музыка существует для того, чтобы выражать то, что нельзя выразить словами?», он понял ее, понял смысл этого вроде бы не к месту заданного вопроса.

Потом, по прошествии лет, Сергей Иванович не раз размышлял о правоте тех, кто верит в особую силу первой любви, в ее способность вознести человека к сферам, в которых равно хочется смеяться и плакать, в которых быт сливается с бытием и отсутствует категория времени. Все эти мудреные мысли пришли к нему с годами. Но что он точно знал, вне всех размышлений, так это то, что память о пережитом состоянии восторга, ярких эмоций может сопровождать всю жизнь и больно, больно ранить. «Неужели, — спрашивал он самого себя, — все произошедшее было лишь следствием молодой страсти, нас связавшей и бросившей друг к другу? Неужели за этим больше ничего не стояло? Нет, не может быть».

Потом было утро, и мертвецкий сон до обеда. Проснулись одновременно, долго смотрели в глаза друг другу.

— Ира, — сказал он, — а если...

Она сразу поняла, что он имеет в виду, улыбнулась: — Ну и что? Будет еще один Сережа. Хочешь сока? — Встала, достала стаканы с полки, открыла холодильник. Она ходила туда-сюда, совсем не стесняясь наготы, и Сергей понимал, что эта открытость совсем не демонстрация идеально сложенной фигуры, а выражение доверия, как ему показалось, очень трогательное. Он не вдруг вспомнил удалую подругу-сокурсницу, она тоже была недурно сложена, но та в свете дня не вставала с кровати, не обмотавшись простыней или полотенцем.

— Черт, — дошло до него, — в отряде же, наверное, в розыск меня объявили. Надо бежать...

— Ну беги, беги, до вечера. — Ирина скорчила смешную гримасу, скосила глаза на скомканные простыни. — И мне есть чем заняться, надо скрыть следы преступления, мама может заявиться...

Казалось, он думал и говорил о скорой разлуке больше, чем она, по крайней мере чаще упоминал о ней вслух. За три дня до отъезда заговорил о краткости их счастья. Она ответила словами, которые явно не могли сложиться вдруг.

— Ну, Сергей, разве ты не знаешь, счастья никогда не бывает вдоволь, длись оно хоть десятки лет. А у нас есть еще три дня. Это же целое состояние!

Где-то в подсознании у него лежало понимание того, что Ирина деликатно ждет от него важных слов, важных и готовых сорваться с языка, но он так и не сказал ей этих слов. Почему? В ряду причин вряд не было той, что выходила к эгоистическому «подумай, подумай...».

Всего их, ночей безумного восторга, ночей опытных любовников, не имевших опыта, было меньше, чем пальцев на руках. Потом, потом была последняя ночь вместе: на вечер следующего дня планировался отъезд в Москву. Эта ночь сложилась совсем не так, как пре-

дыдущие, они долго сидели на тахте, привалившись спи-
нами к подушкам, изредка не страстно, но нежно це-
луясь, почему-то полупешотом разговаривая. Она дала
ему бумажку с номерами двух телефонов, в квартире
бабушки и родителей. У него, иногороднего студента,
проживающего в общежитии, телефона, естественно,
не было. Обменялись адресами, просили друг друга
писать, часто писать. На улицу вышли еще затемно, на
августовском темном небе ярко сияли звезды.

— До нашего грибка? — спросил он.

— До грибка, — ответила Ирина, — и будем смо-
треть на звезды, они сейчас падают, загадаем желание.

Голоса их немного вибрировали, у обоих.

Они молча смотрели на звезды.

— Я где-то читала, — медленно, в задумчивости го-
ворила Ирина, — какие-то народы верили или верят, что
когда люди умирают, их души переселяются на звезды.

Яркий астероид чиркнул по темному небесному
своду бенгальским огнем.

— Видел, видел? — оживленно спросила Ири-
на. — Я заранее приготовила желание и успела... А ты?

— Да, я тоже... — не очень уверенно сказал Сергей.
На самом деле что-то загадать он не успел, но не хотел
ее огорчать.

— Что загадано, говорить нельзя, — нравоучительно
сказала Ирина, а то не исполнится.

— Да, — согласился Сергей, — я знаю. — И предло-
жил: — Давай выберем звезду, это будет наша звезда,
мы через нее будем связь держать, а?

— Хорошо, — согласилась она, — ты выбирай.

— Она, — рассуждал Сергей, — должна быть всегда
заметной на звездном небе. Вега, Полярная, они точно
заняты... Вот, точно. Берем вон ту, яркую, что вершит
нос ковша Большой Медведицы, идет?

— Идет.

Помолчали.

— Иди, Сергей, — как-то вдруг сказала Ирина, —
меня не провожай, иди.

Они встали, обнялись.

— Иди, иди.

Где-то в полдень следующего дня командир объя-
вил, что поездка по какой-то причине откладывается на
сутки, и Сергей метнулся на почту, там был городской
телефон.

— Ирина, Ирина, слушай, мы сегодня увидимся, отъ-
езд отложили на сутки... — Трубка молчала. — Ирина,
ты меня слышишь? Поезд завтра...

— Слышу, Сергей, слышу. — Она плакала. — Но не
надо, родной, не надо. Я не выдержу...

«Родной...» — защемило в груди. Так, очень по-жен-
ски, она никогда его не называла.

Вечером следующего дня Сергей уехал.

Началась переписка. Каждые три-четыре дня он по-
лучал письмо, каждые три-четыре дня отвечал. В ноябре
Сергею предложили на год оставить учебу и в начале
января уехать за границу переводчиком. Он согласился.
Сессию надо было сдать досрочно, настали трудные вре-
мена. Ирина писала так же часто, он стал писать реже. Да
и о чем было писать? О чувствах все было сказано-пере-
сказано, а все дни заключались в рутинной учебе, сдаче
зачетов, экзаменов. И его, и ее письма были описаниями
учебных будней, с неизменными «люблю», «скучаю». За
границей были свои сложности, связанные с внутренни-
ми переездами с инженерами-специалистами из одного
района в другой. Не всегда имелась возможность и от-
правлять, и получать почту. Бывало, он получал от нее
сразу несколько писем, отвечал одним письмом. Где-то
через год и Ирина стала писать реже. Командировка за-
тянулась на полтора года. Окончательно переписка пре-
кратилась к концу второго года. Сергей понимал, в чем
было дело: надо было говорить о будущем — он не го-
ворил, она, со свойственной ей сдержанностью, не под-
нимала этот вопрос. Позже он оправдывал себя неопре-
деленностью своего положения: жизнью в общежитии,
будущим распределением, впрочем, осознавал неубе-
дительность этих оправданий. В конце концов Ирина ста-
ла для него светлым явлением необратимого прошлого.
Он заставлял себя не вспоминать ее — и не выдерживал
запрета.

Окончив институт, Сергей получил распределение
в Москве, а через два года женился. Жена его люби-
ла, нельзя сказать, что он не испытывал чувств к жене,
и несколько лет был с ней вполне счастлив или считал
себя счастливым. Родилась дочь, и он стал заботливым
отцом. На работе все было хорошо. Потом в семейной
жизни что-то надломилось, в чем Сергей всегда винил
только себя. Ссор не было, но началось постепенное
отчуждение. Однажды в командировке он жене изме-
нил, потом еще и еще. Она чувствовала это, но, по-
настоящему любя, прощала. Постепенно жена стала
другом или второй дочерью. Отпуск иногда проводили
вместе, но чаще порознь. Шли годы. Он по-прежнему
то разрешал, то запрещал себе вспоминать Ирину, с
последним по-прежнему было сложнее. Случалось,
что в общественном месте, в метро, в театре, в ресто-
ране, среди молодых девушек искал похожую на нее
прошлую, а среди женщин, фантазируя, — настоящую.
Самому себе он отвечал отрицательно на вопрос, из-
менял бы он ей, Ирине, будь она его женой. И каждый
раз, находясь под звездным небом, искал их звезду в
созвездии Большой Медведицы.

Сергей встретился с Ириной через пятнадцать лет.

Хмурым октябрьским утром он был дома один,
жена с дочкой отдыхали где-то за границей. Настрое-

ние было скверное. Какие-то неприятности случились на работе, впрочем, осенью Сергей всегда особенно хандрит, и желание удалиться туда, не зная куда, найти то, не зная что, подступало к нему сильнее обычного. Телевизор раздражал, чтение не шло, подходил к бару, но забыться выпивкой — это было не для него: в опьянении на него еще сильнее накатывала душевная муть. Решение все-таки сделать это пришло вдруг. Пятнадцать лет он сжимал в руках старую записную книжку, в которую была вклеена небольшая бумажка, та самая, на которой некогда Ирина написала номера своих домашних телефонов. Сжимал, открывал заветную страничку, но позвонить — не находил в себе решительности. В тот день он решил побороть себя. По справочнику Сергей нашел код Иркутска и стал набирать один из двух номеров. В шумящей голове теснились разные соображения: «Ты в уме? Да зачем ты ей нужен такой... Красивая... Чего ей не быть замужней, счастливой... А что ты ей скажешь? А если подойдет к телефону не она, как представляться будешь?» Все мужество Сергея держалось на надежде, что номера в Иркутске поменялись. Но он дозвонился с первого раза, и трубку взяла Ирина.

— Алло?

Слова застряли в горле, он с трудом, с хрипом выдать из себя тривиальное:

— Это я.

Первая фраза, сказанная Ириной, поразила его.

— Здравствуй, Сережа, ты получил мое письмо?

— Какое письмо, Ирина?

— Ну как же, я примерно неделю назад решила и написала тебе.

— А адрес?

— Адрес — это целая история. Мне посоветовали... В общем, я написала в московский адресный стол, я же знала твои Ф. И. О., год рождения, и еще, как мне посоветовали, вложила в конверт денежку. И знаешь, быстро получила ответ, твой адрес и даже телефон, но звонить я не решилась.

— Ирина, можно я тебе через минут десять перезвоню, можно?

— Можно, Сережа.

Он спустился к почтовому ящику и среди газет нашел ее письмо. Вскрыл, прочитал и снова набрал ее номер.

— Ирина, позволь, прилечу, мы увидимся?

— Сережа, я замужем...

— Ирина, мне только бы увидеться, удели лишь час-другой.

— Я не знаю, Сережа...

— Я прилечу.

Сергей положил трубку и тут же снова поднял, позвонил в справочную «Аэрофлота». Рейсов на Иркутск

в этот день было несколько, и свободные места были в наличии. Ближайший самолет вылетал из Внуково через три часа. Через три часа Сергей летел в Иркутск. Где-то через восемь часов он позвонил ей из аэропорта Иркутска.

— Я прилетел, Ирина.

— Как прилетел?..

— На самолете, Ирина, я в иркутском аэропорту. Куда мне ехать, в смысле, назови гостиницу. Где, когда мы увидимся? Пожалуйста, давай сегодня.

— Сергей, ты с ума сошел... — Помолчав, назвала гостиницу, попросила его, как устроится, перезвонить.

Он встретил ее на улице, когда было уже темно, шел снег с дождем. В ресторан Ирина идти отказалась, гулять по такой погоде было нереально. Поднялись в номер. Только в номере Сергей решился рассмотреть ее и подумал, что, встретив ее случайно на улице, не узнал бы. Перед ним была небольшого роста, худенькая, элегантная женщина, волосы ее были гладко зачесаны. Он знал ее возраст и отметил, что выглядит Ирина несколько старше своих лет. Спустился в ресторан, принес что-то из еды, яблоки, пару бутылок шампанского. Разговор то оживлялся, то затихал. Постепенно в этой Ирине ярче проступила та Ирина, двадцатилетняя, и Сергею уже казалось, что он узнал бы ее при неожиданной встрече. Она была женственна, красива, по-другому, но красива.

Сергей старался выглядеть веселым, но чувствовал, что это ему это плохо удастся. Наливал шампанское — руки предательски дрожали. Предложил выпить за встречу.

— За какую, Сережа, за ту или за эту?

Он не нашел что ответить, но бокалы оба пригубили.

— Расскажи о себе, Сережа.

— Пожалуйста, Ирина, сначала ты...

— Ну вот, — улыбнулась она, — как в первый раз, мне солировать...

— Ты помнишь, Ирина?

— Я все хорошо помню, Сережа, к сожалению, очень хорошо. Голос ее задрожал, но она справилась с собой. — Ну слушай, хотя не о чем особенно и говорить. Преподаю в музыкальной школе. Дочке пять лет, она больше у бабушки. — Понимающе перехватила его взгляд: — У моей мамы.

— Только пять лет?

— Я в тридцать лет вышла замуж, Сережа.

— А муж?

— Муж... Пожалуйста, не надо о нем. Хороший человек, но...

— Проблемы? Он тебя не любит?

Нависла пауза.

— Нет, любит, я его не люблю. Но, как говорится, уважаю. — Помолчала и добавила: — Мне трудно было

приятки к тебе, но не прийти — не могла. Будь муж дома, он сейчас в командировке, не знаю, что было бы. Я бы ему сказала, что иду встречаться с тобой.

— Он знает обо мне?

— Да, он все знает.

Ирина почти не пила. Сергей, очевидно, надеясь расслабиться, выпил один бокал, потом другой, помогло, стало немного легче. Он немногословно, но довольно откровенно рассказал о себе. Потом говорили обо всем сразу, о детях, о литературе, о музыке, о проблемах на работе, над чем-то смеялись. Эта оживленность напомнила Сергею оживленность их первых, еще до поцелуев, разговоров под грибочком.

Неожиданно Ирина посерьезнела:

— Сегодня днем, после твоего звонка, я была как сумасшедшая, а если бы знала, что мы сегодня же еще и встретимся — точно сошла бы с ума. Сережа, а ты веришь, ну, что за естественным, понятным есть что-то такое... Ну, рассудку недоступное? Прости, я неуклюже выражаюсь... В судьбу, что ли? Вот смотри, пятнадцать лет прошло, я, Господи, не знаю, зачем и как отважилась написала тебе. Признаюсь, как-то коснуться тебя, хотя бы письмом, я мечтала все годы, наверное, копила силы и мужество. И вот в то же время, когда мое письмо пришло в твой дом — ты мне звонишь. Что это такое, Сережа? Сами ли мы строим нашу жизнь, сами ли мы всему виной? Вряд ли...

— Сами, Ирина, — ответил Сергей.

Он понял ее: «Господи, она еще и оправдывает меня».

Нависла очередная пауза.

— Ох, что я тебя сейчас спрошу, — сказала Ирина и улыбнулась, — ты...

Он не дал ей договорить.

— Смотрел, часто смотрел.

— И я часто, — уже без улыбки сказала она, — особенно в двадцатых числах августа... Ты уехал двадцать шестого августа.

— Да, — продолжил он, — а простились мы двадцать пятого.

Как оказалось, за разговором обо всем в ней шло осмысление того, что Сергей рассказывал о себе.

— А жене твоей тоже нелегко было все эти годы, — как-то вдруг вернулась она ко вроде бы уже проговоренному. И было очевидно, что слово «тоже» прозвучало здесь неожиданно для нее самой.

Сергей хотел пошутить: «Ты, виновата, Ирина», но шутка не получилась. Его же экспромт его же и изобличил, и смутил, возникла пауза. На этот раз Ирина не стала смягчать ситуацию.

— Я знаю, Сережа, — произнесла она серьезно, как-то виновато.

Их разделял широкий стол. Глядя Ирине в глаза, Сергей сдвинул бокалы и положил на стол ладонями вверх кисти обеих рук. Она поняла его и медленно положила свои ладони в его.

— Прости меня, Ирина, прости.

Он нагнулся, медленно поцеловал одну руку, другую, прижал их к лицу.

— Что ты, Сережа, что ты, ты же самое дорогое, что было в моей жизни. Было, не прошло. А что так все оборвалось... Помнишь, я говорила, что счастьем никогда нельзя насытиться... Помнишь наш грибок, а наши ночи?..

Спазмы сдавливали горло, и он заплакал, заплакал вслух, не сдерживая себя, чувствуя, как сотрясаются его плечи, а ее руки становятся мокрыми. И она плакала, склонив и прислонив свою голову к его голове.

Не разнимая рук, они пересели на кровать, и сидели, обнявшись, до рассвета, как сидели в ту последнюю ночь пятнадцать лет назад. На другой день он улетел в Москву.

Сергей долго приходил в себя после той поездки. Он то пытался доказать себе, что она была необходима, что надо было что-то завершить, объяснить, попросить прощения, то казнил себя, как ему казалось, за необдуманный поступок, причинивший боль и ему самому, и ей. Что думала Ирина о его посещении, он не знал, больше никаких контактов у них не случилось.

Со временем все вроде бы вошло в свою колею. И опять, как в прошедшие годы, иногда волевыми усилиями он старался отодвинуть приходившие сами собой воспоминания об Ирине, иногда добровольно погружался в них. Случившаяся встреча ни на йоту не отодвинула ту Ирину, которую встретил в молодости. В зрительной памяти, как и прежде, отчетливо вставала картина: словно игрушечное пианино, за ним — небольшого роста девушка в коротком светлом плаще огромные глаза сияют, руки бегают по клавишам; двигаясь в такт музыке корпусом, кивая головой, с которой спадает копна вьющихся русских волос, она с чувством поет в микрофон «Синюю птицу»: «Ты не только меня обижаешь, ты сейчас обижаешь любовь...»

Шли годы. По-прежнему самую большую радость приносила работа, по-прежнему время от времени в жизни Сергея Ивановича происходили встречи-расставания с женщинами. Однажды случилась, как ему тогда показалось, особая встреча. И внешне, и внутренне она мало была похожа на Ирину, прозреть в ней Ирину он побуждал себя сам. Натяжка этого прозрения стала очевидной после расставания. Так или иначе, но связь с этой женщиной продолжалась долго, по крайней мере как с никакой другой. Это был тот род связи, который в стадии пролога представляется основательным, не

предполагающим разрыва. Впрочем, где-то в подсознании Сергей Иванович с самого начала сомневался в этой основательности. Не доверял, но тогда, на пике новых отношений, совершил то, что спустя какое-то время вспоминал не без горечи. Однажды вечером он вдруг взял свою студенческую записную книжку, в которую был вклеен Иринин листок с ее телефонами, с ее адресами, вышел к водоему, расположенному поблизости от дома, и выбросил книжку в водоем. Он пытался оторвать прошлое от настоящего, полагая, что так будет лучше всем. Позже понимание того, что вряд ли, после стольких-то лет, телефоны, адреса могли оставаться «живыми», не избавило его от своего рода раскаяния, схожего с угрызениями совести. Всплеск от брошенной в водоем книжки послужил своеобразной точкой во всей истории его отношений с Ириной, в истории вряд ли не главной любви в его жизни.

Сергей Иванович открыл глаза, жара спала, смеркалось, посмотрел на часы — соседи задерживались. Он уже подумывал о такси, когда улыбчивый сосед его окликнул.

— Ох, дорогой Сергей Иванович, простите великодушно, засиделись мы там с друзьями, простите за опоздание. Идемте к машине. Как Ялта? Все посмотрели? Не правда ли, сегодня редкостная жара? Мы там и поплавали. А вы?

Все это он строчил без малейших пауз, которые давали бы возможность что-то сказать в ответ. Впрочем, Сергей Иванович был даже благодарен ему за это. Пошли к машине.

— Машенька, — обратился он к жене, — сдвинь пакетики, Сергей Иванович сядет.

Машенька сидела на переднем сиденье, она ловко для своего возраста и комплекции повернулась, перегнулась и сдвинула сумки. Сергей Иванович сделал комплимент ее загару, сел, и они тронулись в обратный путь.

Сосед не умолкал всю дорогу, Сергей Иванович отделялся междометиями, не очень-то вникая в его повествования. Снова, как и на пути в Ялту, удивляла трогательность отношений этих старичков. Василий Петрович вел машину одной левой рукой, ладонь правой руки лежала на ручке переключения передач. И всю дорогу ладонь левой руки Марии Петровны лежала поверх ладони супруга.

— Машенька, тебе не дует? — периодически заботливо спрашивал Василий Петрович.

— Нет, Васенька, все хорошо, — отвечала она.

Движение было плотное, дорога обещала быть долгой.

Неожиданно для самого себя, вероятно, в продолжение своих мысленных размышлений, Сергей Ивано-

вич обратился более к Василию Петровичу, чем к Марии Петровне, с вопросом:

— Вот позвольте мне задать вам вопрос, простите, банальный, школьный. Вы верите в любовь с первого взгляда, в случайную встречу, в которой может быть заложен промысел, пусть не божий, но судьбы? Что скажете?

Казалось, у Василия Петровича были заготовки ответов на все возможные вопросы. Отвечать он стал что называется, без подготовки, причем с жаром, убежденно:

— Ох, как же мне или нам с Машенькой не верить? Мы с Машенькой как увидели друг друга пятьдесят лет тому назад, так тотчас же и влюбились, так все и любим, не расстаемся.

— Вася, — укоризненно протянула Мария Петровна.

— Прости, моя хорошая, — сказал Василий Петрович и поправился: — Я хотел сказать, пятьдесят один год тому назад, без пары недель, если точно. — И продолжил: — А что касается случайной встречи — нет, не верю. Случайных встреч нет. Понимаете, именно потому, что все случайно, случайностей нет. Нас еще в институте учили, что в случайности проявляется закономерность, и кто это не понимает, тот, в общем, не прав.

Сергей Иванович пожалел, что затеял разговор, вдруг задевший его, что называется, за живое, тем более он знал, что сегодня ему еще предстоит прикоснуться к этому живому, но Василий Петрович разошелся, и остановить его было непросто. — Вот разве могла быть случайностью наша с Машенькой встреча? Глупость! Хотите расскажу, как это было? И не ожидая согласия, продолжил: — Дело было в поле, на картошке, мы оба были студентами второго курса. Я стоял на машине, ведра принимал. Вот подходит к машине девочка с ведром картошки. Боже мой, до сих пор живо ее вижу: маленькая, в красном платочке, в серой фуфаячке... Я как ее увидел, верите, обомлел, чуть с машины не упал. Она ведро подает, а я стою как ослороп.

Мария Петровна в продолжение всего рассказа широко улыбалась, и было видно, что этот вряд ли не десятки раз прослушанный рассказ ей чрезвычайно приятен.

Василий Петрович продолжал:

— И что? Дело было в сентябре, а в октябре мы расписались, причем не сообщив родителям. Господи, иногородние, живем-то в общежитиях, она в одном корпусе в комнатке четвертая, я в другом, и также... Только на Новый год, когда все поразъехались, случилось это самое...

— Вася, — смеясь, остановила супруга Мария Петровна.

Когда, за разговорами незаметно, подъехали к отелю, было за полночь, темно.

— Да, — сказал вполголоса Сергей Иванович, выходя из машины, — так вот и жить бы, без рефлексий и резиныячий...

— Что вы сказали? — спросил, не расслышав, Василий Петрович.

Но сказанное вряд ли было обращено к кому-то более, чем к самому Сергею Ивановичу.

— Да это я так... А история вашей любви поучительная.

— Да, — не без гордости сказал Василий Петрович, — что было, то было. Может, к нам? По рюмочке, а?

— Спасибо, дорогие соседи, спасибо за все, но я что-то устал. Сейчас немного на море погляжу и — спать.

Однако лечь Сергею Ивановичу предстояло не скоро. Он поднялся в номер, взял плед и направился к парку, расположенному немного в стороне от отеля. Долго бродил по уже почти безлюдным темным аллеям, пока не нашел отстоящую в стороне от больших деревьев

скамейку. Сергей Иванович сел и, чувствуя легкий озноб, который он связал с тем, что днем перегрелся на солнце, накинул на себя плед. Не сразу неспешно поднял голову, отыскал созвездие Большой Медведицы и ту звезду, их с Ириной звезду:

— Ну здравствуй. Сегодня ровно сорок лет... Ты же помнишь?

Постепенно странное оцепенение охватило его. Голова поднималась, опускалась и снова поднималась. Шли часы. Сознание то прояснялось, обращаясь к тому, что было, к тому, что могло быть, то затуманивалось, окутываясь полудремой, и приходили видения, странные, непонятные. Шли часы. Постепенно темнота стала редеть, выпуская из себя скамейки, деревья, газонные клумбы, скульптурные изваяния, углы построек, тишину нарушил резкий посвист какой-то птицы. Сергей Иванович медленно поднялся со скамейки и прошептал, не отрывая взгляда от звезды:

— Мы встретимся. Мы обязательно встретимся.

Кипр, сентябрь 2017 года

